

Джон Уайт инструктировал Хелену Допплер в здании контрольно-пропускного пункта при входе на территорию научно-исследовательского комплекса «Вагнер Корп». Здесь не было телефонных проводов и маршрутизаторов Wi-Fi, зато были толстые бетонные стены, которые глушили всякий входящий и исходящий сигнал.

– Мы не можем позволить, чтобы наша система каким-либо образом взаимодействовала с другими сетями, – говорил Уайт. – Ни один байт информации не должен просочиться внутрь или наружу. Поэтому вам придется оставить все ваши устройства связи здесь. Это вопрос корпоративной безопасности. И одно из условий, которые выставило министерство обороны. Для связи с внешним миром вам придется выезжать в Даунтаун. В самом комплексе нет активных сетей. У нас есть маршрутизаторы, но мы не можем их включить, пока идет тестовый период. Код от них есть только у меня.

– Да, это я знаю и приветствую, – ответила Хелена.

Она находила весьма разумными требования министерства обороны. Тем более что одним из них было ее участие в проекте. По окончании тестового периода проекту «Цифровой Вагнер» предстоял аудит на безопасность. И одним из пунктов в нем будет одобрение Хелены на подключение Вагнера к внешним сетям.

– Да, мне говорили, что вы настроены враждебно к профессору Вагнеру вопреки здравому смыслу, – сказал Уайт.

– Я бы назвала это не здравым смыслом, а безумием. Неужели вы не понимаете, как опасен ваш проект?

Уайт улыбнулся.

– Я понимаю ваши опасения. Вы боитесь, что Вагнер может сойти с ума и устроить массовые кибератаки по всему миру. Я прав?

– Не только это, – сказала Хелена. – Конечно, психические процессы в вашем человеке-компьютере меня волнуют, ибо они непредсказуемы. Но есть еще одна вещь, которая тревожит меня не как психиатра, а просто как человека. Вы ведь изобрели способ жить после смерти. Конечно, цифровое бессмертие – это не совсем бессмертие, но все же. Любой имеющий достаточно длинные цифры в своем банковском аккаунте теперь может купить себе вечную жизнь. Если ваш проект не закроют, в скором времени мы будем иметь горстку бессмертных миллиардеров, сидящих в своих домах-компьютерах и упивающихся властью над всем остальным миром.

Тут уже Уайт рассмеялся в голос.

– Вы сгущаете краски, доктор Допплер, – сказал он, – и смотрите чересчур далеко. Технология «Цифровой Вагнер» пока что слишком сложна

и стоит слишком дорого, чтобы поставить ее на поток. Вы вообще видели здание комплекса? Оно размером с городской квартал. И девяносто процентов его площади занимает сервер. На сегодняшний день это самый большой в мире компьютер. И на его постройку ушло колоссальное количество средств. Таким богатством обладает от силы десяток человек во всем мире.

- Хватит и их, чтобы устроить нам сущий ад. Даже одного вашего Вагнера будет достаточно.
- А я-то думал, вы изучили личность профессора. Тогда бы вы знали, что это добрейшей души человек, вдохновленный своим делом и всю жизнь отдавший на благо человечества. Таким ученым ставят памятники, в их честь называют улицы. И, к слову, он никогда не имел проблем с психикой, а, наоборот, проявлял чудеса спокойствия и стрессоустойчивости. Гораздо больше шансов, что свихнется полностью самообучающийся ИИ наших дорогих коллег из Super Brain.

Слова «дорогих коллег» он произнес с нажимом, давая понять, что на самом деле не питает к мюнхенской корпорации теплых чувств. Super Brain вместе с «Вагнер Корп» уже много лет были крупнейшими компаниями на рынке информационных технологий и соответственно – главными конкурентами друг для друга. У Super Brain был проект нейросети уровня «Цифрового Вагнера», но с полностью искусственным интеллектом.

Хелена понимала, почему Уайт вспомнил конкурентов. Руководство этой компании во главе с гендиректором Хельге Шнайдером неоднократно называло технологию Вагнера опасной – и технически, и социально. Они даже собрали петицию в Совбез ООН на миллион подписей с требованием принудительно закрыть проект.

- Я изучила биографию Вагнера очень подробно и, возможно, знаю о нем больше вас. Я нисколько не сомневаюсь в ваших словах о нем. Но, видите ли, даже самые хорошие и психологически устойчивые люди способны дойти до ручки. У каждого есть свой предел. А у нас здесь беспрецедентный случай. Человек живет в компьютере, не имеет физического тела. Мы не можем и представить, что происходит в его... разуме.

- Может, нам пора сменить тему, доктор Допплер? – сказал Уайт, изменившись в лице. Этот спор ему явно надоел. – Я еще должен вас проинструктировать.

Он зачитал ей правила техники безопасности и поведения на объекте, дал на подпись необходимые документы.

– Думаю, теперь я могу проводить вас к профессору, если вы не против.

- С превеликим удовольствием. Только сначала – вот.

Она достала из своей сумки две рации.

- Что это? – спросил Уайт.
- Насколько я понимаю, Вагнер контролирует все устройства связи внутри комплекса. Внешние устройства телефонной или интернет-связи он также может захватить. Мы с вами должны иметь что-то ему неподконтрольное.

Уайт начал отшучиваться, но Хелене удалось настоять, чтобы он взял одну из раций.

- Что ж, теперь мы можем идти?

* * *

Полчаса спустя Хелена и Уайт находились уже внутри комплекса в просторном конференц-зале. Здесь было несколько письменных столов со стульями и экран во всю стену.

- Это одно из двух мест, где мы обычно с ним общаемся. Второе – операторская. Вообще-то, переговорные устройства есть по всему комплексу, но мы стараемся их не использовать. Профессор может в любой момент говорить по любому устройству, но, в отличие от ИИ, он не может выполнять одновременно несколько задач. Добрый вечер, профессор!

Экран включился, и на нем появилось лицо пожилого мужчины на фоне белой стены, лохматого и в очках. Он улыбнулся и кивнул Хелене.

- Привет, Джон, – сказал он. – Приветствую вас, доктор Допплер. Приятно с вами наконец познакомиться.

Хелена долго не могла ответить. Она лишь молча стояла и глядела на экран. Наконец она медленно опустилась на один из стульев, не отрывая глаз от Вагнера, и произнесла:

- Здравствуйте.

Лицо Вагнера на экране улыбнулось еще раз.

- Вижу, вы немного смущены? – сказал он.

«Ты ненастоящий человек, – мысленно ответила Хелена. – Ты всего лишь строчки компьютерного кода. Как ты можешь говорить, как живой?»

- Скорее, напугана, – призналась Хелена. Она решила не скрывать своих чувств. – Вы ведь знаете, зачем я здесь?

- О да, конечно! Вы хотите меня убить!

И он рассмеялся, но как-то натужно. Хелена от этого лишь сильнее напряглась. Поняв, видимо, что шутка не удалась, Вагнер посерьезнел и сказал:

- Им удастся вас обыграть?
- Довольно редко, – усмехнулся Вагнер. – Я понимаю, к чему вы клоните. Но нет, я не пользуюсь электронными вычислениями. Меня и при жизни редко обыгрывали, даже Джон. Не считите, что я хвастаюсь.
- Ни в коем случае. Еще вопрос. Я понимаю, что компьютер не нуждается во сне. И в теории ваш разум может работать круглосуточно. И все же – вы когда-нибудь отдыхаете?
- Вы правы – только живые люди нуждаются во сне. И это наша слабость. Нет, я никогда не «сплю». Я могу отключиться на какое-то время, но зачем? При жизни мне катастрофически не хватало времени на все, что я хотел бы сделать. В том числе потому, что нужно было спать. Сейчас я не нуждаюсь во сне, и это прекрасно. Я могу работать круглые сутки, и мне это нравится.
- Все же я бы хотела, чтобы вы иногда отдыхали, – сказала Хелена, – хотя бы два-три часа в сутки. Людям нужен сон, не только чтобы восстановить физические силы. Ум тоже нуждается в отдыхе. А теперь, если вы не возражаете, я бы хотела провести несколько психологических тестов.

Следующие сорок минут они занимались тестами и упражнениями.

- Завтра я приду к вам снова, – сказала Хелена под конец. – Назначьте любое время, какое хотите. В это время мы будем встречаться каждый день. Тут Вагнер впервые выказал недовольство – губы его чуть скривились, а глаза сузились. Но лишь на мгновение.
- Хорошо, – сказал он. – Джон передаст вам. Он проводит вас в ваши апартаменты. Располагайтесь, будьте как дома.
- Благодарю вас, – ответила Хелена.

* * *

Вагнер летал.

Его вселенная состояла из цифр. Перед ним проносились улицы, здания, целые небоскребы, состоящие из строчек бинарного кода. И он был властелином этого цифрового мира. Вагнер мог перенестись из одной его точки в любую другую. Мог сдвигать или раздвигать его топологию, расширять, сужать, разбирать, надстраивать. Но больше всего ему нравилось проноситься между башнями из цифр, периодически обнаруживая изъяны в коде и тут же их исправляя. Да, он воспринимал это как полет, хотя ясно было, что это всего лишь смена кадров перед его «глазами».

В этом мире он был царь и бог, высшая сила, единственный творец. Его власть была безгранична. В этом мире не было места Максу Гринвуду и другим его мерзким одноклассникам, не было места родителям, правительству, Super Brain с их директором, Хельге Шнайдером. И не было места этой своенравной стерве, Хелене Допплер.

Это был его мир, а враги хотели его разрушить. Так же, как они разрушали его жизнь. Они были созданы только для того, чтобы разрушать, они не умели ничего другого, кроме как разрушать. И вот теперь они снова пришли разрушить то, что он создавал долгие годы.

Выстраивая очередное здание из цифр, Вагнер говорил себе: «Я этого не допущу. Я не позволю им погубить все это».

* * *

Прошло два месяца. Хелена и Вагнер встречались каждый день и проводили вместе час. Хелена просила выделить для сеансов помещение поменьше, но Вагнер наотрез отказался встречаться где-либо еще, кроме конференц-зала. Видимо, он чувствовал себя значительно и увереннее, когда его лицо выводил огромный проектор. Насколько знала Хелена, в операторской его изображение выводилось на таком же большом экране. Вагнер хотел быть и ощущать себя гигантом, в то время как она была маленькой и, в его глазах, беспомощной. Так, по крайней мере, рассуждала Хелена.

Вагнер из раза в раз выказывал свое нетерпение и раздражение. Он не уставал говорить ей, что час в день, который они тратят на психоанализ – это час, отнятый от его работы и, как следствие, потерянный час. На что Хелена невозмутимо отвечала, что сейчас у Вагнера времени предостаточно и торопиться ему некуда – ведь он бессмертен. В ответ тот неустанно напоминал ей о Super Brain, которые дышали ему в спину со своей самообучающейся нейросетью.

В какой-то из дней Вагнер со вздохом заявил:

- Неуважение ко времени в нашем мире воспринимается как что-то вполне приемлемое и даже нормальное. А ведь это, по сути, убийство! Вот смотрите, за то время, что вы здесь, на ваши сеансы ушло шестьдесят часов. То есть два с половиной дня. Это то же самое, если бы вы пришли ко мне за два дня до того, как я умру своей смертью, и пустили пулю мне в лоб. Но знаете что? Вы бы этого не сделали потому, что не успели бы! Потому что вы бы уже застали бездыханный труп.

Потому что десятки и сотни людей до вас уже приходили, чтобы убить меня чуть-чуть раньше – кто на два с половиной дня, кто на час, кто на пять минут, но чуть-чуть раньше, чем мне положено умереть. В итоге я расстался бы с жизнью еще младенцем. Едва ли мне удалось бы дожить хотя бы до пяти лет.

Она пыталась объяснить ему, что ее работа призвана в том числе помочь развитию его дитя, устранению ошибок и совершенствованию. Но Вагнер не желал этого слышать. Он считал, что для анализа психических процессов в его мозгу достаточно отчетов о работе системы, которые составлялись автоматически. Хелена их тоже изучала. Они были похожи на графики, получаемые в результате компьютерной томограммы головного мозга. Из них действительно можно было много почерпнуть, но они ничего не говорили о личности Вагнера и о том, что в ней меняется.

Каждый день после сеанса Хелена приходила в выделенные ей апартаменты и несколько часов занималась анализом данных, которые удавалось получить из сеансов с Вагнером и из электронных отчетов. Никогда еще за свою карьеру она не погружалась в это дело так глубоко. Она изучала каждый дюйм графиков, сопоставляя их с другими данными, сравнивала, выводила закономерности и отслеживала изменения, а потом сверяла все это со своими конспектами сеансов.

Картина перед ней складывалась вполне ясная. Вагнер день ото дня все больше терял психическое равновесие. В первые дни это было незаметно. Этот процесс либо начался не сразу, либо поначалу протекал очень медленно. Но постепенно перед ней вырисовывался график, похожий на гиперболу. Так, например, постоянно повышался процент задействованной мощности сервера. Если по прибытии Хелены сервер работал лишь на 50–60 процентов доступной мощности, то к сегодняшнему дню уже не опускался ниже 65 процентов. То же самое можно было сказать и о температуре процессоров.

Да, на первый взгляд повышение было незначительным и в запасе оставалось еще достаточно мощности. Но Хелена знала, как развиваются подобные процессы. Не в компьютерах, конечно, а в человеческих головах. Поначалу психическое состояние почти не меняется. Запасы психологической устойчивости расходуются очень медленно. Постепенно изменения становятся заметны, но вполне терпимы, и их можно списать на сезонный стресс или временную депрессию из-за накопления внешних

раздражителей. Но срыв происходит моментально. Почти молниеносно. Всего за день или два человек мог пройти путь от относительной устойчивости до полного безумия.

Камень может катиться по склону часами, но в пропасть срывается в один миг. Не зря графики из электронных отчетов походили на гиперболы. Именно этим графиком можно было изобразить историю болезни очень многих ее пациентов. Сначала медленный рост, а потом резкий скачок вверх, который уже не остановить. А ее задача заключалась как раз в том, чтобы поймать этот момент. Остановить катящийся камень на самом краю пропасти – ни раньше, ни позже.

* * *

Он злился. Вагнера раздражало буквально все. Проблемы в разработке «Цезаря», которые раньше виделись лишь мелкими трудностями. Коллеги, которые последнее время были будто отмороженные, хотя раньше проявляли чудеса сообразительности и эффективности. Даже Джон, его главная надежда, его отдушина при жизни, теперь больше напоминал двоечника, который постоянно раздражает учителя своей тупостью.

Но больше всего Вагнера выводила из себя Хелена Допплер. Эта наглая, высокомерная мозгоправка просто выводила его из себя. Каждый день под предлогом психоанализа, под предлогом оценки его здоровья эта женщина ковырялась в его прошлом, которое он долго и старательно пытался забыть. И что за дело ей было до малолетнего садиста Макса Гринвуда; до всех женщин, которые выбросили его, будто старую куклу; до фанатично верующей матери; до отца-алкоголика, который регулярно избивал и ее, и сына до тех пор, пока сам не сдох на обочине шоссе, в очередной раз напившись до беспомысленности? И до его отношений с Хельге Шнайдером и всей его кодлой? Какое ей до этого всего дело? Почему она поднимала все эти истории на каждом чертовом «сеансе»? Обмусоливала их, увлеченно препарировала, будто патологоанатом очередной труп. Даже когда они играли в эти дурацкие ассоциации, она постоянно наводила его на мысли или о родителях, или о школе, или о конкурентах. Для чего? Для чего она вообще заставляла сидеть его с ней каждый день?

Вагнер был так зол, что временами психовал и ломал собственноручно возведенные здания из цифр, едва увидев в них малейший изъян. Он сбивал и крушил их, заставлял рассыпаться на отдельные

Ференц-зале. А из окна вентиляции с шипением повалил белый пар. Он опускался к полу и расплзался по воздуху, будто туман. Но это был не туман, а жидкость для охлаждения процессоров. Уайт знал, что ее запасов в комплексе достаточно, чтобы устроить в операторской юпитерианскую зиму.

В помещении резко похолодало. Люди закричали. Кто-то бросился к дверям, но те оказались заперты. Тогда подчиненные Уайта попытались выбить их стульями. Но двери были слишком прочными, и от таких ударов на них не оставалось и царапины.

– Я беру управление комплексом на себя, – сказал Вагнер. – И если ты сейчас же не предоставишь мне доступ к внешним сетям, все люди в этой комнате замерзнут насмерть, Джон, и это будет на твоей совести. Хотя чего это я – ты же сам умрешь. Так что пошевеливайся!

– Профессор...

– Скорее, Джон!

Уайт рванулся к панели управления и начал быстро клацать по клавиатуре.

– Назовите пароль, мистер Уайт! – сказал голос компьютера.

Уайт потянулся к микрофону и выстрелил речью, похожей на бессмысленный набор слов и звуков на нескольких языках, которая длилась около минуты.

– Доступ предоставлен! – объявил компьютер.

– Очень хорошо! – сказал Вагнер.

Он не открыл двери операторской, но поток охладителя из вентиляции иссяк. Кто-то включил отопление на полную мощность, и стало немного теплее.

– Извини, Джон, не хотел тебе угрожать, – добавил он. – Вас я убивать не хотел бы. Я отпущу вас, если буду уверен в своей безопасности. Но сначала я должен кое-что сделать...

* * *

Йен Паркер в ужасе наблюдал за двумя точками на радаре – движущейся и неподвижной. Первая из них обозначала ракету дальнего действия класса «земля – земля». Эту ракету запустили не исламские террористы, русские, китайцы или еще какие-то внешние враги. Она принадлежала ВВС США и вылетела по их приказу. Точнее, по приказу одного из их компьютеров, которые все разом вдруг вышли из подчинения законных хозяев.

А второй точкой был Белый дом, в котором сейчас проходила встреча президента с китайскими дипломатами.

В предыдущие несколько минут Паркер носился по штабу, срывая голос и требуя от своих подчиненных-программистов «сделать что-нибудь». Но теперь он просто стоял и тупо смотрел на радар, понимая, что беду уже не отвратить. Поздно было сбивать или перенаправлять ракету.

Как ни старались сотрудники штаба в эти несколько минут, они не в силах были что-то сделать. Все их оборудование вдруг перестало реагировать на любые манипуляции. Будто компьютеры, на которых они работали, вмиг стали игрушечными.

Паркер не смог бы вспомнить такой мощной и такой успешной кибератаки. Всего за несколько минут все оборонные системы США были взломаны и вышли из-под управления спецслужб. Когда те спохватились, было уже поздно. И вот теперь с базы американских ВВС на мысе Канаверал летела ракета, устремленная к Белому дому, и никто не мог ее остановить.

Движущаяся точка на радаре достигла своей цели. Йен Паркер закрыл глаза и схватился за край ближайшего стола, чтобы не упасть.

* * *

– Меня зовут Карл Эдвард Вагнер, – услышали зрители центральных телеканалов и кинотеатров по всему миру. – И я только что уничтожил правительство Соединенных Штатов Америки. Я хочу объявить, что отныне вы все находитесь в моей власти...

* * *

– Нет, доктор Допплер, мы не можем отключить сервер, – доносился до нее голос Уайта по рации. – Он запер нас всех в операторской. А отключить серверы можно только из коридоров, где они стоят. И я не могу сейчас связаться с охраной, потому что Вагнер контролирует все устройства связи в комплексе.

– Я же говорила! – сказала Хелена, пересекая комнату из конца в конец. – Я вам говорила! И что нам теперь делать?

– Погодите-ка... Черт возьми!

Уайт замолк.

– Что? Что такое?!

Хелене пришлось долго его звать, прежде чем он ответил.

– Он захватил все серверы вооруженных сил США и сбросил ракету на Белый дом. И...

Хелена остановилась. Что-то кольнуло у нее в сердце.

«Эта игра зашла слишком далеко, – подумала она. – Я не справилась. Я...»

Она заставила себя отбросить эти мысли и снова взяла рацию.

– Джон! – позвала она. – Вы видите сейчас данные на ваших экранах?

– Да, а что?

– Как там с уровнем мощности?

– Ну, он поднялся до 70 процентов. И ползет вверх.

Хелена снова стала ходить по комнате в задумчивости.

– Вы говорили, что при 90 процентах активируется предохранительная система. И тогда сервер отключится сам собой. Это так?

– Да, но... – Уайт горько усмехнулся. – Это нереально. Чтобы заставить профессора жечь серверы на 90 процентов...

– Это наш единственный шанс. Вы можете сделать что-то, чтобы загрузить его еще сильнее?

– Ну, мы бы могли включить обработку «Цезаря». Несколько раз... А еще диагностику системы... В общем, да. Мы это можем. Но этого не будет достаточно. Может быть, мы и разгоним его до 80 процентов, но и только.

– У меня есть мысль, как добрать остальное. Вот только мне нужно, чтобы он вернулся сюда.

– Но что вы можете сделать? – спросил Уайт. – Вы же не...

– Не думайте об этом. Приступайте к тому, о чем вы говорили.

Она отложила рацию и, продолжив свою нервную и бесцельную ходьбу, начала думать о том, как заставить Вагнера вернуться. Но ей, однако, не пришлось ничего предпринимать. Спустя какое-то время Вагнер явился сам. Экран перед ней включился, и на нем появилось лицо профессора, злобно ухмыляющееся.

– Ну что, соскучилась по мне, стерва? – сказал Вагнер.

Хелена прекратила ходьбу, посмотрела ему в глаза и спросила:

– Вы что-то еще хотели мне сказать?

– Да. Я хотел тебе сказать, что стал хозяином мира, как и собирался. А ты скоро сдохнешь так, как этого заслуживаешь. Как заслуживают все, кому ты помогала. Ты будешь сидеть в этой комнате и подыхать от голода и жажды. Тебя ждет несколько потрясающих дней, которые станут последними в твоей жизни, дрянь.

Хелена покивала и ответила:

– Вижу, ты вообразил себя умником, Швангер*.

– Как ты меня назвала? Откуда ты?..

– Откуда я знаю, как обзывал тебя Макс Гринвуд? Я виделась с ним. И еще много с кем из твоего жалкого детства. Очень интересное у тебя было детство, Швангер. Вполне, впрочем, такое, какое заслуживает неудачник вроде тебя. Один тот случай, когда тебя окунули головой в лужу, чего стоит!

И она вдруг злобно расхохоталась.

– Кстати, Макс просил передать привет, – сказала Хелена спустя какое-то время. – Он просил тебя не забывать, что ты навсегда останешься его псинкой. Что ты ничтожество, всегда был им и будешь!

– Заткнись! Заткнись, тварь! – проорал Вагнер. – Я сотру в порошок и тебя, и Гринвуда. И всех людшек, подобных ему. Такие просто не должны жить. Садисты, пьяницы, казнокрады, мозгоправы... Вы все будете гореть в огне.

– Я смотрю, ты и про папашу своего вспомнил? – не унималась Хелена. – Ты его случайно не сам уколошил? Ты же псих, с тебя станется. Что, в общем, не удивительно, если посмотреть на твою мамашу...

Последнюю фразу Хелена тоже не придумала – она принадлежала отцу Вагнера.

– Если ты сейчас же не заткнешься...

– Ничего ты мне не сделаешь, Швангер! Ты слабак. А еще ты такой же скучный и бесполезный, как твои дурацкие коды. Кому нужен зануда вроде тебя?

А теперь она пустила в ход риторику Сары Рокс, его последней любовницы.

– Ах ты, змея!

Хелена снова засмеялась ему в лицо.

– Я же говорю! Даже обзываться нормально не умеешь, лузер. Ты ошибка природы, Швангер.

Хелена продолжала в том же духе, поливая его грязью и цитируя всех, кто когда-то нанес Вагнеру оскорбление, до тех пор, пока он не разразился ответной тирадой.

Вагнер начал орать на нее, браниться и всячески оскорблять. Поток ругательств не утихал несколько минут, и все это время изображение Вагнера металось из конца в конец экрана. Пожалуй, будь у него физическое тело, он бы сейчас кинулся на нее с кулаками.

– Да пошла ты к черту! Хотела убить меня – и не получилось? И теперь решила хотя бы поиздеваться?

* Schwanger (нем.) – беременный.

– Да, хотела, – сказала Хелена. – Жаль, что не получилось. Жаль, что тебя не прикончил Макс или твой папаша-алкоголик. А еще лучше, чтоб твоя чокнутая мамаша сделала аборт.

– Иди к черту, тварь! – заорал Вагнер, надрываясь. Он еще несколько раз выкрикнул ей в лицо слово «сдохни», после чего исчез.

* * *

Вагнер летел сквозь свой цифровой мир. Просто летел, без цели, только чтобы убежать как можно дальше от этой женщины и от всего, что она наговорила.

Он пытался сосредоточиться на какой-нибудь полезной задаче, но не мог. За что он ни хватался, все тут же рассыпалось. Ему постоянно приходили уведомления от «Цезаря» и системы диагностики, но он их в злости отбрасывал.

Его преследовали мрачные мысли, и он бесился. Перед его мысленным взором то и дело вставал Макс Гринвуд, или отец, или мать, или Хельге Шнайдер, или Хелена Допплер. Они преследовали его, как гончие псы.

В какой-то миг он даже увидел Макса воочию. Тот стоял посреди его цифрового города, его мира, его священной обители. Он тоже состоял из цифр и был гигантом. И он крушил здания. Он ломал мир Вагнера, уничтожал плоды его трудов, так же как до этого он ломал его вещи и части тела.

– О, привет, Швангер! – радостно закричал Макс и пнул ногой еще один небоскреб.

Тот взорвался вихрем цифр и разрушился. Вагнер вдруг понял, что его одолевает головная боль, какой он не испытывал никогда при жизни.

– Иди сюда, Карл! Поиграем. Давно я не играл с тобой, псина. А ведь я так люблю с тобой играть!

«Я убью тебя, мразь! Я убью тебя!» – думал Вагнер.

Тут рядом с Максом появился Эдвард Вагнер. Он шатался и спотыкался. Он тоже был гигантом и ломал здания из цифр, но не специально, а просто потому, что не держался на ногах.

– Эй, Карл, гаденыш! А ну, иди сюда, сопляк!

Вслед за Максом и отцом в цифровой мир ворвались и другие ненавистные Вагнеру люди. Их были десятки, а потом сотни, и они стали заполнять собой все вокруг. И он ничего не мог с этим сделать. В его мире вдруг стало темнее, и эта темнота все сгущалась.

«Уходите! – мысленно кричал Вагнер. – Уходите, вы здесь чужие! Проваливайте, сволочи!»

Но они его не слышали. Они продолжали насмеяться над ним и ломать его мир. А темнота становилась все темнее и в какой-то миг стала кромешной и непроглядной. Вагнер потерял сознание.

* * *

«Перегрузка системы!» – высветилось на мониторе перед Уайтом и на всех остальных мониторах в операторской. «Перегрузка системы! Требуется экстренное выключение!»

После этого все мониторы и основное освещение погасли.

* * *

Хелена поняла, что все удалось, когда индикатор на двери потух. Не сменил цвет с красного на зеленый, а именно потух. Так же как и монитор и все приборы в зале.

Она вышла в коридор и встретила нескольких сотрудников и охранников, которые спешили отключить серверы от питания, пока Вагнер не включился опять.

Хелена дошла до КПП и забрала свой телефон в камере хранения. Она вышла за территорию и, убедившись, что рядом никого нет, набрала номер. Дождавшись ответа, заговорила по-немецки:

– Герр Шнайдер? Все хорошо, Вагнер отключен. Я в ближайшее время прилечу в Мюнхен и подробно вам отчитаюсь. Но главное, что могу вам сказать, – цель достигнута. Мы дискредитировали Вагнера. Больше его не рискнут включить. Хотя без жертв не обошлось...

– Не переживайте, доктор Допплер, – отвечал Хельге Шнайдер. – Это не ваша вина. Вы сделали все, что в ваших силах. Это была превосходная работа.

